

М.П. Одесский

А.А. ЖДАНОВ – Л.М. ЛЕОНОВ – ДАНИИЛ ХАРМС
Очерки советской «публичной культуры»
(1938–1940 гг.)

В статье анализируется пропагандистская кампания, которая была инициирована решениями XVIII съезда Коммунистической партии СССР. В частности, не прекращая «большой террор», партия лицемерно призывала к прекращению репрессий и реабилитации невинных. Эта кампания нашла отражение в пьесе «Метель» официального драматурга Л. Леонова и рассказе «Реабилитация» авангардиста Даниила Хармса.

Ключевые слова: Леонид Леонов, Даниил Хармс, публичная культура, XVIII съезд Коммунистической партии, реабилитация.

В условиях тоталитарного социума журналистский текст – прежде всего, газета – не просто литературная форма, а носитель официального послания всемогущей и всепроникающей власти, которое транслируется в центральной «Правде», вслед за ней – в других СМИ, затем повторяется в частных разговорах и т. д. Обозначая этот идеологический комплекс термином «публичная культура» («искусство, музыка, литература, кино, драму, публичные чтения, радио и многое другое»), Дж. Брукс выделял в качестве наиболее показательной именно прессу, «партийную газету “Правду”, которую коммунисты 20-х годов уподобляли по влиянию и авторитету Библии [...]»¹.

Для январской «Правды» 1938 г. в качестве доминирующей темы следует назвать торжественное начало работы такого государственного органа, как Верховный Совет СССР. Этот новый институт предполагался пресловутой Сталинской конституцией, выборы прошли 12 декабря 1937 г.

Редакционная статья от 13 января 1938 г. «Высший орган власти страны социализма» провозглашала: «Вчера в Кремле открылась первая Сессия Верховного Совета СССР, избранного волей всего советского народа на основе всеобщих, равных и прямых выборов при тайном голосовании. <...> Живет и действует советский

парламент [...]». Основная идея статьи выражается в акцентировании универсальных демократических ценностей («всеобщие, равные и прямые выборы при тайном голосовании!») и в несвойственном советской идеологии отождествлении Верховного Совета с подозрительно-буржуазным «парламентом». Мотив «демократизации» развивается на протяжении всего месяца, публикуются фотографии и речи депутатов, а депутат А.А. Жданов (Первый секретарь Ленинградского обкома и горкома, секретарь ЦК) – при заслушивании Верховным Советом В.М. Молотова – отчет главы правительства одобрил, но высказал и принципиальные замечания.

А вот 17 января «Правда» заявляет другую тему, весьма неожиданную, которой суждено остаться сквозной для всего месяца. Застрельщиком выступил М.Е. Кольцов. В фельетоне «О лжеразоблачителях и клеветниках» он, используя отличительный прием жанра – апелляцию к «факту, письму [читателей]»² – гневно атакует практику незаконного преследования честных членов партии. Журналист приводит выношенную классификацию инициаторов подобных преследований. Их три типа: 1) «метатель копий», который в определенной степени бескорыстно занимается доносом на коллег; 2) «карьерист», тот, кто строит на «разоблачениях» карьеру; 3) «перестраховщик, трус, бездушный антипартийный, антисоветский бюрократ». Автор приводит конкретные факты – случаи ложных разоблачений и клеветы, губительных для честных коммунистов. В финале фельетон тонко примиряется с базовыми идеями «большого террора», который ведь никто не останавливал: «Наркомвнудел безошибочно добирается до всех тех, кто, вместо честной помощи советской разведке, пробует создавать путаницу, напускать тумана, оклеветывать, лишать работы неповинных ни в чем людей. Клеветников, злостных карьеристов он рассматривает как ненавистников советского строя. И правильно делает».

Рассмотрение январской подборки номеров «Правды» – если кто-то сомневался – доказывает, что выступление Кольцова не было самоубийственным протестом против «ежовщины». 18 января печатается статья «За что исключали из партии». Автор – Н. Токарев, редактор «Сталинградской правды»; композиция та же, что в фельетоне Кольцова – обличение «лжеразоблачителей и клеветников», которое иллюстрируется примерами из жизни; автор – редактор региональной газеты и примеры тоже региональные, сталинградские.

Интрига разрешается 19 января: в «Правде» публикуется Постановление Пленума ЦК ВКП (б) «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП (б) и о мерах по

устранению этих недостатков». С докладом на этом Пленуме выступил Г.М. Маленков (в 1936 г. сменивший Н.И. Ежова в должности заведующего отделом руководящих партийных органов ЦК).

Пленум сообщал: «Известно немало фактов, когда партийные организации без всякой проверки и, следовательно, необоснованно исключают коммунистов из партии, лишают их работы, нередко даже объявляют, без всяких к тому оснований, врагами народа, чинят беззакония и произвол над членами партии».

Пленум считает, что

среди коммунистов существуют, еще не вскрыты и не разоблачены *отдельные карьеристы-коммунисты, старающиеся отличиться и выдвинуться на исключениях из партии, на репрессиях* (так! – М.О.) *против членов партии, старающиеся застраховать себя от возможных обвинений в недостатке бдительности путем применения огульных репрессий против членов партии* (акцентирующий курсив «Правды». – М.О.). <...> Такой карьерист-коммунист, желая выслужиться, без всякого разбора разводит панику насчет врагов народа и с злостью вопит на партсобраниях об исключении членов партии из партии на каком-нибудь формальном основании или вовсе без основания.

Поражает вывод: «Пленум ЦК ВКП (б) требует от всех партийных организаций и их руководителей всемерного повышения большевистской бдительности партийных масс, разоблачения и выкорчевывания до конца всех вольных и невольных врагов партии». Поражает и обращение «бдительности», освящавшей практику «большого террора», теперь против тех, кто «бдит» неправильно; поражает и молитвословная аллюзия – «вольных и невольных»³.

Самое захватывающее в Постановлении Пленума ЦК – использование идеологом «репрессии» (описание недолжного) и «реабилитация» (восстановление должного), которые в годы «оттепели» станут основой для десталинизации.

Постановление, намекая – вслед за Кольцовым – на тождественность действий «лжеразоблачителей и клеветников» с действиями врагов народа, снова прибегает к термину «репрессии»:

...многие наши парторганизации и их руководители до сих пор не сумели разглядеть и разоблачить *искусно замаскировавшегося врага, старающегося криками о бдительности замаскировать свою враждебность и сохраниться в рядах партии – это во-первых, – и, во-вторых, стремящегося путем проведения мер репрессий, – перебить наши большевистские кадры, посеять неуверенность и излишнюю подозрительность в наших рядах* (курсив «Правды». – М. О.).

<...> Такой замаскированный враг – гнусный двурушник – всячески стремится создать в парторганизациях обстановку излишней подозрительности, при которой каждого члена партии, выступившего в защиту другого коммуниста, оклеветанного кем-либо, немедленно обвиняют в отсутствии бдительности и в связях с врагами народа⁴.

А вот и «реабилитация». В результативной части имеется седьмой пункт, который содержит требование: «Обязать партийные организации [...] полностью реабилитировать этих членов партии и публиковать в печати свои постановления в тех случаях, когда предварительно в печати были помещены дискредитирующие члена партии материалы».

Публикация постановления – подобно фельетону Кольцова – поддерживается и развивается другими январскими материалами. В том же номере от 19 января выходит в свет редакционная статья «По-большевистски выполнить решения Пленума Сталинского Центрального Комитета». Здесь – вслед за Кольцовым – «репрессии» и «реабилитация» адаптируются к «большому террору». Оказывается, работа партии по реализации сталинского призыва на февральско-мартовском Пленуме 1937 г. «о ликвидации идиотской болезни – беспечности, о повышении бдительности», который собственно вычеканил «террористическую» идеологию того времени, «была бы большей, если бы не ошибки партийных организаций в ходе очищения своих рядов от агентов фашизма». Другими словами, ложная «бдительность» прямо враждебна истинной.

Передовица в номере от 22 января «Решения Пленума ЦК ВКП (б) делать достоянием каждого коммуниста» напоминает, что Пленум подверг критике «грубейшие извращения принципов большевизма, имевшие место в партийных организациях при решении вопросов об исключении из партии». И далее: в номере от 25 января – редакционная статья «Большевистская бдительность»; в номере от 26 января – «Реабилитировать неправильно исключенных, сурово наказать клеветников!»; в номере от 29 января – статья «О большевистской бдительности и чуткости»: очевидно, актуальность уменьшилась, статья помещена на второй странице, но зато автор – А.С. Щербаков, в ту пору – секретарь Иркутского обкома партии, в будущем один из ближайших к Сталину политиков.

В исторической перспективе пристального рассмотрения требует редакционная статья «Реабилитировать неправильно исключенных, сурово наказать клеветников!» от 26 января, которая дополняет Постановление Пленума ЦК ВКП (б) и в которой рассматривается идеологема «реабилитация».

Термин «реабилитация», которому была уготована столь блистательная будущность после смерти Сталина, в российском и советском праве влачил жалкое, маргинальное существование. Если, например, во Франции этот термин обозначал «восстановление в правах» или «официальное восстановление репутации», то в отечественной традиции он не был востребован и никогда не был ясно описан. Толкование сводилось к отождествлению с официальными терминами: реабилитация обозначала «снятие судимости» или «отмену обвинительного приговора в результате возобновления уголовного дела по вновь открывшимся обстоятельствам». Позднее этот термин – опять же по аналогии – ассоциировался с восстановлением репутации, а потому имел специфическое хождение в партийной среде. В этом качестве и был актуализирован в Постановлении и в редакционной статье⁵. 26 января «Правда» констатировала:

Партийные руководители, рядовые члены партии стараются осмыслить те ошибки, на которые с такой прямотой и резкостью указал в своем постановлении Пленум ЦК. Все мысли направлены к тому, чтобы в кратчайший срок исправить ошибки, допущенные при исключении коммунистов из партии, чтобы в кратчайший срок устранить формально-бюрократическое отношение к апелляциям исключенных. Начинается практическая работа по осуществлению решений Пленума. Задача прежде всего в том, чтобы восстановить в партийных рядах товарищей, незаслуженно исключенных из партии стараниями карьеристов, усердствующих перестраховщиков и замаскированных врагов.

Статья подчеркивала:

Пленум сурово осудил тех партийных руководителей, которые «наивно считают, что исправление ошибок в отношении неправильно исключенных может подорвать авторитет партии и повредить делу разоблачения врагов народа, не понимая, что каждый случай неправильного исключения из партии – на руку врагам партии».

Полужирным шрифтом выделено: **«Коммунист, неправильно исключенный, оклеветанный, а затем восстановленный, должен возвращаться в свою партийную семью как равноправный член партийной организации».**

Анонимный автор возмущен: «Во многих партийных организациях утвердилась неправильная, вредная практика, когда исключенных из ВКП (б) немедленно снимали с работы. Пленум ЦК подверг суровому осуждению такое отношение к исключенным».

В статье содержался призыв к советским журналистам:

Наиболее ловкие карьеристы и пройдохи сумели использовать в клеветнических целях и газеты. Немало невинных людей оказались оклеветанными и на страницах газет. Подчас достаточно было оказаться партийцу исключенным по ложному доносу из партии, как его немедленно же безответственно шельмовали в газете. <...> Если человека неправильно, легкомысленно или ошибочно ошельмовали в газете, значит надо столь же громогласно заявить о том, что человек не виновен.

Достоинно внимания, что призыв к газетам «громогласно заявить о том, что человек не виновен» напоминает о восстановлении репутации, то есть о классическом толковании реабилитации⁶.

Пикантность Постановления январского Пленума «Сталинского Центрального Комитета», как и всей газетой кампании, заключается в том, что все это происходило не до и не после, а на самом пике репрессий – позади масштабные процессы 1936 и 1937 гг., впереди уже маячит бухаринский процесс. Внимательный соглядатай М.М. Пришвин, фиксируя реакцию общества, сопоставил Постановление январского пленума – по его идеологическим последствиям – со статьей И.В. Сталина «Головокружение от успехов»: «“Постановление” (историческое), второе “головокружение”... Как и тогда, тоже некоторые глупо рады, некоторые глупо погибли за “перегиб”»⁷. Действительно, знаменитая статья генсека некогда осудила «перегибы» коллективизации строго в разгар коллективизации.

Литераторы неосталинистской ориентации буквально понимают решения Пленума, интерпретируя их как борьбу Сталина и Жданова с эксцессами «большого террора». По их мнению, осенью 1937 г. Жданов был направлен Сталиным для организации «чисток» в Башкирию; там он пришел к выводу, что из-за размаха репрессий возможна дезорганизация промышленности, и в этом духе составил несколько записок на имя Сталина; Сталин заинтересовался его выводами и поручил подготовить проект решений ЦК об ограничении репрессивной практики; в январе 1938 г. Жданов внес решение «Об ответственности прокуроров за необоснованный арест специалистов», призванное прекратить избиение НКВД директорского корпуса, но ведомство Ежова игнорировало постановление ЦК⁸.

Специалисты по политической подоплеке «большого террора» – в их числе историк А.В. Антонов-Овсеенко – считают, что Пленум готовил снятие Наркома внутренних дел Н.И. Ежова и его

замену на Л.П. Берию, тогдашнего первого секретаря ЦК КП (б) Грузии, Закрайкома ВКП (б)⁹.

С этой точки зрения замечателен еще один пассаж в статье: «Партия очищала, очищает и будет очищать свои ряды от тайных и явных врагов и их приспешников. Однако к этой огромной очистительной работе поспешили примазаться шкурники и карьеристы, старавшиеся отличиться и выдвинуться на исключениях из партии, старавшиеся на этом прослыть бдительными партийцами. Рука об руку со шкурниками и карьеристами действовали и замаскированные враги, которые, крича о бдительности и требуя исключения ни в чем не повинных людей, заматали собственные следы, прикрывали показной, фальшивой бдительностью собственные преступления». Допустив, что «шкурники и карьеристы» – намек на команду Ежова, можно выдвинуть гипотезу о тогдашней политической актуализации термина «реабилитация».

С точки зрения же газетной поэтики, не исключено, что тема прекращения «репрессий» и «реабилитации» удачно вторила ведущей теме «демократизации», заданной информацией о созыве Верховного Совета.

В марте 1939 г. на XVIII съезде ВКП (б) такого рода игры продолжались. С одной стороны, в Отчетном докладе И.В. Сталин – в полемике с самим Ф. Энгельсом – сформулировал теоретически тезис о том, что, пока существует капиталистическое окружение, государство будет существовать – и при социализме, и, возможно, при коммунизме. Тезис был грозным. С другой стороны, вожь подводит некоторые итоги борьбы с внутренними врагами, что позволяло надеяться на наступление более вегетарианских времен. В общем, по словам М.М. Пришвина: «Весь XVIII съезд посвящен выработке правил управления страной»¹⁰.

Практическое уточнение генеральных идей было доверено А.А. Жданову (выбран на съезде в состав Политбюро ЦК), который докладывал делегатам об изменениях в уставе партии (заседание 18 марта, председательствующий Н.С. Хрущев). 20 марта доклад был опубликован в «Правде», и советское общество обрело возможность принять сказанное к сведению и исполнению.

Казалось бы, обсуждение устава – вопрос технический, но в большевистской системе (по образцу В.И. Ленина) он, наоборот, занимал первостепенное место:

В организационных формах устава, как и в развитии марксистской теории, наша партия стоит на почве творческого марксизма, обогащая формы организационного устава новым опытом, в зависимости от развивающихся условий классовой борьбы и новых политических задач¹¹.

В продолжение линии «демократизации» Жданов призвал отказаться от привилегий, которые давались рабочим при вступлении в коммунистическую партию, а развитию темы январского Пленума 1938 г. посвятил целый раздел доклада – «Об отмене массовых чисток».

Партия на февральско-мартовском пленуме ЦК 1937 года и январском пленуме ЦК 1938 года осудила практику формального и бездушно-бюрократического отношения к вопросу о судьбе членов партии, об исключении из партии и о восстановлении исключенных из партии. Эта практика, как известно, была широко использована проникшими в партию карьеристскими элементами, стремившимися отличиться и выдвинуться на исключениях из партии, а равно замаскированными врагами внутри партии, стремившимися путем широкого применения мер репрессий перебить честных членов партии и посеять излишнюю подозрительность в партийных рядах. Враг, изменив тактику, уцепился за бдительность и спекулировал на этом, стремясь под прикрытием фальшивых речей о бдительности перебить как можно больше честных коммунистов, имея в виду посеять взаимное недоверие и дезорганизовать наши ряды. Клевета на честных работников под флагом «бдительности» является в настоящее время наиболее распространенным способом прикрытия, маскировки враждебной деятельности. Незаблаженные осиные гнезда врагов ищите прежде всего среди клеветников.

Разоблачение опасной деятельности «клеветников» и «карьеристов», которые ведут «фальшивые речи о бдительности», иллюстрировалось живописными анекдотами:

В некоторых организациях клеветники настолько распоясались, что кладут ноги на стол. Вот, например, в одном из районов Киевской области был разоблачен клеветник Ханевский. Ни одно из многочисленных заявлений, поданных Ханевским на коммунистов, не подтвердилось. Однако, этот клеветник не потерял присутствия духа и в одном из своих разоблачительных заявлений в обком КП(б)У обратился с такой просьбой: «Я выбился из сил в борьбе с врагами, а поэтому прошу путевку на курорт». (*Громкий смех.*)

Еще красочней ждановский анекдот о карьеристе, предложившем оригинальную классификацию «врагов народа»:

«Деятельность» некоторых клеветников приняла настолько широкий размах, что они начали вводить в нее некую «рационализа-

цию». Вот, например, Алексеев – член партии с 1925 года, заведующий Ирбейским районным партийным кабинетом (Красноярский край). Работал он плохо, все свое время отдавая писанию клеветнических заявлений на честных коммунистов и беспартийных учителей. Здесь «дел» было у него много, и он завел себе список со специальными графами: «большой враг», «маленький враг», «вражек», «враженок». (*Общий смех.*) Нечего и говорить, что он создавал в районе совершенно невозможную обстановку. В конце концов, он был исключен из партии как клеветник.

Докладчик, смакуя яркость примера, проявляет эрудицию и апеллирует к Н.В. Гоголю:

В связи с Алексеевым я думал, кого напоминает такой тип, и мне вспомнился Собакевич из повести Гоголя «Мертвые души». Собакевич, как известно, всех считал мошенниками и разбойниками. Когда Чичиков признался Собакевичу, что ему более всех в губернском городе нравится полицмейстер за прямоту и простосердечие, Собакевич хладнокровно ответил: «Мошенник! Продаст, обманет, еще и победает с вами! Я их знаю всех: это все мошенники, весь город там такой: мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет. Все хриstopродавцы. Один там только и есть порядочный человек: прокурор, да и тот, если сказать правду, свинья». (Хохот в зале.) Очевидно, праправнуки Собакевича дожили и до наших времен, кое-где даже пробрались в партию. Надо взять метлу покрепче и вымести из нашего партийного дома подобный мусор. (*Дружные аплодисменты.*)

Оказывается, честные люди – по вине «карьеристов» и «клеветников» – повально опасались быть обвиненными в связи с врагами народа на основании совершенно случайных фактов и совпадений:

На этом основании было огульно исключено из партии немалое количество честных работников, вся вина которых заключалась в том, что им приходилось по условиям работы встречаться и видеться с врагами народа, – «проходить по одной улице». Эта ходкая формула – «связь с врагами народа» – широко использовалась антипартийными элементами для избиения честных коммунистов. Она, эта формула, употреблялась в таком широком и расплывчатом толковании, когда под нее подводились самые разнообразные вещи – и обычное знакомство, и совместная по обязанности работа с врагами, и действительная связь с врагами, и участие в контрреволюционной работе – без каких бы то ни было градаций, все тонуло за общей формулой. На этом основании было допущено, да и сейчас еще допускается, большое количество ошибок.

Жданов отдельно оговорил недопустимость преследования родственников «врагов народа»:

Довольно широко у нас укоренилась теория своеобразного «биологического» подхода к людям, к членам партии, когда о коммунисте судят не по его делам, а по делам его родственников – близких и дальних, когда недостаточная идеологическая выдержанность и социальная направленность какой-нибудь прабабушки может испортить карьеру потомков на целый ряд поколений. (*Смех.*) Подобный подход ничего общего с марксизмом не имеет. Мы должны исходить из того положения, которое неоднократно развивалось и подчеркивалось товарищем Сталиным, что сын за отца не ответчик, что нужно судить о члене партии по его делам. У нас же на практике, к сожалению, распространенным явлением является определение делового и политического лица работника не по его собственной работе, а по физиономии его родственников и предков – близких и дальних. Нельзя сказать, чтобы представители этой «теории» выступали открыто. А в то же время они потихонечку свою работу ведут да ведут и судят о человеке не по его работе, а по его родословной. С этим «биологическим» подходом надо кончать. (*Шумные аплодисменты.*)

Таково было официальное послание власти, которое произнес съезд ВКП (б) – высшая инстанция в СССР. Разумеется, советская «публичная культура» должна была реагировать. И логику этой ответной реакции можно распознать в пьесе Л.М. Леонова «Метель», над которой писатель закончил работу к концу 1939 г. Леонов к тому времени был сложившимся писателем, со своими темами и узнаваемой поэтикой, и тем не менее проблематика «Метели» закономерно соответствует пафосу партийного съезда.

«Действие происходит на периферии в наши дни»¹² – в семье Степана Светозарова, на Новый год (как в «Днях Турбиных»). Степан – образцовый советский гражданин: он – директор завода, делает доклады о преодолении индивидуализма в переходную эпоху и т. п. Вместе с тем в семье Светозарова нет ни счастья, ни покоя, напротив – «метель». В прошлом брат советского директора сражался на стороне белых и эмигрировал; Степан женился на его супруге; с ними живет и дочь Порфирия – Зоя, которая пребывает в постоянной тревоге (действие I, сцена 2):

Снова раздали анкету: кто, что, когда и почему... <...> Спрашивают про отца. <...> Я не могу больше лгать, мамочка. Уже столько раз, столько раз... Через это я поступила в институт, стипендию получила, овладела дружбой товарищей. Ведь это все кража, мамочка. (*Сквозь слезы.*) Мне так совестно, что я такая молодая и уже такая дрянь.

Под гнетом страшной тайны находится и вся семья: «Останешься без диплома, одна, и никто не посмеет даже кивнуть тебе в окошко!» Да и другие персонажи подвержены паническим атакам (I, 7):

А у нас жуткий сосед по комнате. Коридор-то общий!.. Табуретку поставит у двери и слушает, как в театре. Всегда за порожком свеженькие окурочки лежат. (*Озабоченно.*) Да говорят еще, что теперь через электрическую лампочку подслушивать научились... верно это, а?

На завод прибыл ревизор, о Степане ходят негативные слухи, и его жена волнуется (I, 8):

Ты слишком спокоен, Степан. Я бы ночей не спала на твоём месте. Кричи, в кровь дерись за своё честное имя!.. Слушай, может быть мне самой сходить к нему? Я объясню ему эту клевету. Я тебя давно знаю. Ты никогда ничего лишнего не подписывал, не шумел, был всегда осторожен...¹³

Именно об опасности «клеветы» предупреждала партия, и Степан поначалу предстает одной из ее невинных жертв.

Однако драматург усложняет ситуацию. Дело в том, что брат Порфирий раскаялся, сражался в Испании и теперь законно вернулся в СССР. Наоборот, Степан отнюдь не образцовый советский директор. Он сам – тот «клеветник», который извлекает пользу из атмосферы репрессий и практики доносов. Приспешник Степана открывается (I, 9):

(*Оглянувшись.*) У Карякиной-то сын взят. И знаешь, как это я его ухитрился?.. Письмо ему послал. Такое. Кому надо, те прочтут. А места подо всеми склизкие...

Правда, Степан не «карьерист», а казнокрад и мошенник: его цель поехать в командировку за границу, где открыт счет в банке (на имя брата). Тем не менее, Степан вполне подходит под определение псевдолояльных граждан, которые, пользуясь ошибками государства и партии, преследуют своекорыстные интересы. Показательно, что даже о свойственной ему показной добродетельности («Без единого взыскания, не пьет, не курит», II, 8) Жданов предупредил на съезде:

Клеветники орудуют там, где им помогают самостраховщики. Вот один из примеров такой самостраховки. <...> Вот справка, выданная одному гражданину: «Тов. (имя рек) по состоянию своего

здоровья и сознания не может быть использован никаким классовым врагом для своих целей. Райпсих Окт. р-на г. Киева (подпись)». (*Громкий смех.*)

Однако в итоге символическая «метель» стихает. Дочь Зоя находит мужество признаться перед товарищами в своих «биологических» грехах (II, 13): «Слушайте. Мой отец, прапорщик Порфирий Сыроваров, уже давно бежал за границу. Может быть он... я ничего о нем не знаю. Письма его я жгла. Теперь все. Теперь прощайте!» Недостойные друзья готовы отречься и предать: «Неплохо придумано: позвать друзей и угостить их пирогом с гвоздями»; «У Карякиной сын тоже получал некоторые странные письма!» Один из женихов-комсомольцев (сын русского рабочего) колеблется, не бросить ли теперь скомпрометированную девушку: характеристика автора – «в жизни он будет преуспевать, потому что никогда не совершит никаких глупостей. Лет через десять это будет беспощадный человек» (замечания для исполнителей роли) – относит его к той же опасной категории «умеренных и аккуратных», о которой предупреждал Жданов. Зато другой жених (сын таджикского пастуха) выдерживает испытание, а что самое главное – поступок Зои одобряют старые большевики. Степан свободно уезжает в командировку (несмотря на призывы положительных героев покарать его), но в СССР покончено с репрессиями, а кара его будет состоять в том, что Порфирий уже перевел украденные деньги на родину и беглеца ждет позорная жизнь на помойке. А сам Порфирий обретает место в новом обществе, устроившись работать в колхозе.

Автор современной биографии Леонова З. Прилепин уже указывал на необходимость учитывать при анализе «Метели» «сложившуюся к сороковым годам ситуацию»: «Начиная с 1936 года страна стала совершать очевидный поворот, во-первых, в сторону ценностей национальных, а во-вторых, наметился некоторый крен в сторону, не побоимся этого слова, либерализации сферы культуры»¹⁴. Соглашаясь с таким подходом, вместе с тем необходимо уточнить хронологические рамки «поворота» и начинать не с 1936-го, даже не с января 1938-го, а с марта 1938-го – с XVIII съезда. И тогда станет ясно, что Леонов, оформив сюжет по законам собственного художественного мира, одновременно корректно воспроизвел тот конфликт, который собственно обрисовал Жданов. Репрессии в стране во многом проходили по злой воле «карьеристов»-руководителей, гнавших под видом «врагов народа» честных людей. Потому вроде не стоит удивляться, что в апреле–марте 1940 г. состоялось 13 театральных премьер «Метели» и в августе 1940 г. пьесу собирались выдвинуть на Сталинскую премию по разряду драматургии.

В газетах печатались однозначно положительные рецензии (данные Н.Л. Леоновой, основанные на архиве ее отца¹⁵). При самом поверхностном просмотре ключевых формул из этих рецензий заметно, что там как позитивные доминируют темы «честности» («честность советского человека перед Родиной» – «Большевистская молодежь», 28 апреля 1940 г., «пьеса о честности и мужестве» – «Советское искусство», 5 сентября 1940 г.) и «чистоты» («зритель почувствует, как прекрасен очищенный от грязи человек» – «Большевистская молодежь», 28 апреля 1940 г., «Тема “Метели” – это проблема моральной чистоплотности людей» – «Советское искусство», 5 сентября 1940 г., «проблема моральной чистоты» – «Правда Востока», 4 сентября 1940 г.).

А значит, авторы рецензий адекватно читали идеологический контекст пьесы. Ведь и Жданов в докладе обвинял «врагов внутри партии» в стремлении «путем широкого применения мер репрессий перебить честных (!) членов партии». Тема же «чистоты», заданная термином «чистка», в его докладе вообще должна быть причислена к базовым:

Стало быть, в условиях, когда партия уже провела большую очистительную (!) работу, метод массовых чисток (!) не вызывается необходимостью. Об этом говорит тот факт, что наиболее серьезная работа по очищению (!) партии от врагов народа, изменников, предателей и агентов фашизма развернулась после массовых чисток (!).

Однако неожиданно все переменилось. 18 сентября 1940 г. Общий отдел ЦК ВКП (б) и Политбюро ЦК выпустили специальное постановление, осуждавшее «Метель» «как идеологически враждебную, являющуюся злостной клеветой на советскую действительность» (председателю Комитета по делам искусств при СНК СССР М.Б. Храпченко указывалось, «что он допустил грубую политическую ошибку, разрешив к постановке пьесу “Метель”». Предупредить т. Храпченко, что при повторении подобных ошибок он будет смещен с должности»). По словам Прилепина, «били Леонова много – но Политбюро взялось за него впервые»¹⁶. И «реабилитировали» пьесу «Метель» только в годы правления Хрущева.

Попытка разгадать причину перемены участи произведения Леонова – тема отдельной статьи, но, очевидно, она была обусловлена очередной радикальной переменой установок «публичной культуры». Любопытно здесь свидетельство современника – Даниила Хармса, который в своей неофициальной прозе не обязан был играть по правилам «публичной культуры» и поставил абсурдистский диагноз советским идеологическим играм.

В рассказе Хармса «Реабилитация» (10 июня 1941 г.) патологически преступная личность произносит речь, хладнокровно повествуя о совершенных злодеяниях. Финальный пуант заключается в том, что подсудимый венчает описание отвратительных деяний невинным выражением надежды на «полное оправдание»:

Ну, хорошо: во всем этом (я могу согласиться) можно усмотреть некоторую жестокость с моей стороны. Но считать преступлением то, что я сел и испражился на свои жертвы, – это уже, извините, абсурд. Испражняться – потребность естественная, а следовательно, и отнюдь не преступная. Таким образом, я понимаю опасения моего защитника, но все же надеюсь на полное оправдание¹⁷.

Персонаж в рассказе Хармса убежден, что он заслуживает «полного оправдания». Автор же, озаглавив рассказ «Реабилитация», тем самым приравнял «полное оправдание» к «реабилитации» и охарактеризовал советскую действительность при помощи этого абсурдного термина из арсенала 1938 г. Термина, который декларировал мнимую установку на милость посреди тотальных судебных злоупотреблений и казней.

Примечания

- ¹ Brooks J. Thank you, comrade Stalin!: Soviet public culture from Revolution to Cold War. Princeton: Princeton University Press, 2000. P. XIII–XIV.
- ² Шкловский В.Б. Зорич // Шкловский В.Б. Гамбургский счет: Статьи – воспоминания – эссе (1914–1933). М.: Сов. писатель, 1990. С. 359.
- ³ Ср. редакционную статью «За большевистскую бдительность» в «Литературной газете» (27 января 1938 г.).
- ⁴ См.: Фельдман Д.М. Терминология власти: Советские политические термины в историко-культурном контексте. М.: РГГУ, 2006. С. 237–238.
- ⁵ Там же. С. 67–86.
- ⁶ См. анализ этой «правдинской» передовицы и ее деконструкции в рассказе Д. Хармса «Реабилитация»: Одесский М.П. Абсурдизм Даниила Хармса в политико-судебном контексте // Russian Literature. 2006. LX (III/IV). С. 441–449.
- ⁷ Пришвин М.М. Дневники: 1938–1939 / Подгот. текста Я.З. Гришиной, А.В. Киселевой. СПб.: Росток, 2010. С. 18.
- ⁸ См., напр.: Елисеев А. Кто развязал «большой террор» // Молодая Гвардия. 2005. № 3.
- ⁹ Антонов-Овсеенко А. Путь наверх // Берия: Конец карьеры. М.: Политиздат, 1991. С. 60.
- ¹⁰ Пришвин М.М. Указ. соч. С. 296.
- ¹¹ Доклад Жданова цит. по: Правда. 1939. 20 марта. С. 2–6.

- ¹² Здесь и далее цит. по с указанием действия и явления: *Леонов Л.* Метель. М.: Управление по охране авторских прав, 1940.
- ¹³ Ср.: «Да ... я решилась поговорить начистоту ... об этой клевете» (III, 11).
- ¹⁴ *Прилепин З.* Леонид Леонов: «Игра его была огромна». М.: Молодая гвардия, 2010. Серия «Жизнь замечательных людей». С. 326.
- ¹⁵ *Леонова Н.Л.* Из воспоминаний: «Метель» // Леонид Леонов в воспоминаниях, дневниках, интервью / Сост. Н.Л. Леонова. М.: Голос, 1999. [Электронный ресурс] URL: http://www.mirleonova.org/leonov_live_v_metel.html (дата обращения: 15.03.2016).
- ¹⁶ *Прилепин З.* Указ. соч. С. 330.
- ¹⁷ *Хармс Д.И.* Полн. собр. соч.: В 6 т. Т. 2: Проза. Драматические произведения. Авторские сборники. Незавершенное / Сост., примеч. В.Н. Сажина. СПб.: Академический проект, 1997. С. 161.